

Серия "Библиотека словарей русского языка" пополнилась новым словарем. Основным отличием нового словаря является то, что в нем отражаются современные нормы орфоэпии, в том числе особенности произношения многих новых слов. Более широкие права предоставлены "младшей" норме. Орфоэпических словарей в русском языкознании очень мало, а разъясняющих трудности произношения, в том числе и многих новых или недавно вошедших в широкое употребление слов, совсем нет. Все это повышает ценность и уникальность вышедшего словаря.

Словарю предпослано краткое описание правил русского литературного произношения, в котором в сжатом виде сформулированы фонетические законы ("безвариантные правила произношения") и орфоэпические закономерности (правила, допускающие варианты произношения). Здесь заинтересованный читатель найдет все основные сведения о современном звуковом строе русского литературного языка. Особенно ценными представляются пять таблиц, в которых представлены все сведения об ассимилятивной мягкости согласных в их различных сочетаниях и позициях (с. 20–39). Эти данные полезны и для изучающих русский язык, и для преподавателей, и для специалистов в области фонетики, которые путем сравнительного анализа с данными предшественников (ср., напр., "Русский язык по данным массового обследования" под ред. Л.П. Крысина или "Орфоэпический словарь русского языка" под ред. Р.И. Аванесова) могут исследовать динамику изменения этого фрагмента системы русского консонантизма.

В список произносительных явлений в словарь включены такие, как произношение твердого или мягкого заднеязычного согласного в прилагательных на *-кий, -гий, -хий* и в глаголах на *-кивать, -гивать, -хивать*. Новым для орфоэпической практики является также включение сведений о произношении долгих/кратких звуков на месте букв *нн* в словах русского происхождения, ср. *линованный* [н] и *лицензионный* [нн] (с. 226–227).

Словарь – результат многолетнего кропотливого труда двух крупных ученых в области общей и русской фонетики, литературной и диалектной, хорошо известных научной общественности своими трудами. Поэтому и общие выводы, и частные заме-

чания авторов, даже если они дискуссионны, весьма нужны, полезны и интересны как специалистам, так и, что особенно важно, широкому читателю, пользователю словаря, в какой бы области деятельности он не трудился.

Надеюсь, что авторы будут готовить новое издание словаря, а, возможно, и ряд частных словарей на основе данного издания, и поэтому им могут быть полезны или чем-то интересны отдельные критические замечания или некоторые филологические рассуждения автора рецензии.

1. Авторы назвали свой труд "Словарь трудностей русского произношения" (подчеркнуто мною. – К.Г.). При этом большое внимание в книге уделяется ударению, в том числе значительному массиву слов с так называемым побочным ударением. Между тем, ударение не входит в произношение как ее составная часть. Здесь рецензент разделяет точку зрения Р.И. Аванесова и С.И. Ожегова, издавших словарь под названием "Русское литературное произношение и ударение". Об этом подробно пишет Р.И. Аванесов в предисловии к каждому изданию своей книги "Русское литературное произношение" (вышло 7 изданий в издательстве "Просвещение"). Основанием для такого суждения могут быть многочисленные примеры правильного произношения слов с неправильно поставленным ударением, например: [шоф'ър], [портф'ил'] и мн. другое. Поэтому книгу следовало бы с достаточным основанием назвать "Словарь трудностей русского произношения и ударения" (подчеркнуто мною. – К.Г.).

2. Кстати, и само слово "трудности" относится не к собственно орфоэпии, а именно к произношению слов с правильным ударением. Следует особенно остановиться на произношении тех слов, которые имеют так называемое побочное ударение. Авторы предлагают свою концепцию этого явления, отличающуюся от общепринятой. Этот подход сформулирован во вступительной статье "Основные сведения о русском литературном произношении" таким образом: "Возникновение побочного ударения носит вероятностный характер. Вероятность его появления регламентируется двумя основными факторами: 1) длиной слова и 2) определенными фразовыми условиями" (с. 45). Авторы отмечают, что побочное ударение возможно не только на первых основах сложных, сложносокращенных слов и при-

ставках иноязычного происхождения (*архи-, пост-, про-* и т.п.), но и на приставках русского происхождения – *без-, до-, по-, со-* и др. (с. 45). Полные и усеченные основы и приставки, могущие нести на себе побочное ударение, в словаре выделены особо, напр., *кино...*, *дип...*, *пост...*, *до...* и т.п. Такая трактовка побочного ударения призывает к размышлению, ее приняли не все. Не случайно при первом обсуждении словаря в Отделе фонетики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН по этому вопросу развернулась дискуссия. Многие выступающие приняли концепцию, предложенную авторами словаря, но были и выступления против. Но как бы ни трактовать феномен побочного ударения, словарь оставляет открытым вопрос о произношении гласных между побочным и главным ударением. Например, *многовѣсельный* – м[но]го- и м[нѣ]го-, т.е. [мнѣ?]вѣсельный и [мнѣ?]вѣсельный. А как должен звучать звук на месте буквы *о* в конце *много* – [много]вѣсельный или [многѣ]-вѣсельный? Очевидно, только *мнѣ]вѣсельный*. Подобных примеров можно много выбрать из словаря. Дело не в этом. Очевидно, авторам в предисловии к словарю следует дать более развернутое авторское понимание фонетической модели словоформ с двумя ударениями, главным и побочным. Все увеличивающееся число подобных слов требует более разносторонней их характеристики.

Очевидно, к трудностям относится и реальное употребление различных по произношению слов, см. *моло[шн]ый* и *моло[ч'н]ый*, *було[шн]ая* и *було[ч'н]ая*, когда в выборе одного из вариантов решающее слово принадлежит коммуникативному синтаксису. Например, только *друг сердце[шн]ый*, но *сердце[ч'н]ый прием*, *рядом с нашим домом находится було[чн]ая*, но *я пойду в було[шн]ую*. Правда, орфоэпические словари, как правило, таких связей с употреблением слов в речи не дают. Но может быть, в предисловии к новому словарю можно будет сделать некоторые наиболее существенные замечания по этому поводу.

3. В своих пометах авторы используют исторический принцип: "варианты равноправные", т.е. одновременные, "вариант устаревший", "вариант новый". Не всегда ясно, на каком основании эти пометы выстроены, ведь исследовательских работ по истории ассимилятивного смягчения и отвердения согласных еще нет, а отдельные замечания авторов словаря (впрочем, как и

других авторов, работающих над этой проблемой) могут быть подвергнуты сомнению. Так, [вв'] дается как допустимо новое, а [с'т'в'] как допустимо устаревающее, [зл'] как допустимо новое, [д'в'] как допустимо устаревающее. Но дело даже не в этом; думаю, что в подобном словаре достаточно одной пометы "допустим второй вариант" и показать этот второй вариант, так как при современном темпе речи (по данным Л.В. Златоустовой темп русской речи за последние 40 лет увеличился вдвое) рядовой носитель русского литературного языка даже при хорошем фонетическом слухе не услышит разницу в произношении *ра[з'в']е* и *ра[зв']е*, *ле[з'в']ие* и *ле[зв']ие*, тем более не обратит внимания на то, что это устаревший или равноправный вариант произношения выделенного сочетания звуков в слове.

Здесь, очевидно, надо иметь в виду и тот факт, что говорящий каждый раз определяет уклад артикуляции, ориентируясь перспективно на всю словоформу (а возможно, и на больший отрезок речи), а не на каждый отдельный звук. Что касается сценического произношения или произношения при художественном чтении того или иного произведения XVIII, XIX или XX века, то здесь помет словаря недостаточно, а нужна значительная работа актера по согласованию произношения с художественным образом.

Наиболее сложным и интересным теоретическим вопросом, поставленным в кратком предисловии к словарю и подробно развернутым в докторской диссертации М.Л. Каленчук – это вопрос о соотношении фонетики и орфоэпии, об их границах. На первый взгляд вопрос прост и ответ ясен, он дан и в словаре, и в диссертации: одни орфоэпические факты вызваны действием фонетических законов и они не имеют вариантов, это – область фонетики; вторые уже не связаны с актуальными фонетическими законами, они могут быть представлены вариантами, для которых есть выбор.

В качестве примера первых обычно приводится аканье, оглушение и озвончение шумных согласных, для вторых – произношение групп согласных типа *t'i', tt'*; твердость/мягкость согласных перед (э); упрощение групп согласных и др.

На первый взгляд все эти рассуждения убедительны, но при более пристальном рассмотрении они вызывают вопросы или даже несогласие.

Аканье как явление русской фонетической системы действительно было вызвано до сих пор бесспорно не установленным законом в группе восточнославянских диалектов в эпоху после падения редуцированных.

В чем общий смысл этого закона? Аканье – это неразличение гласных неверхнего подъема после твердых и мягких согласных. Конкретным результатом этого фонетического закона может быть произношение: *вада, вэда, вы^эда, вад'е, вадой* и пр. В более позднее время при активном переходе окальщиков к литературному аканью они стали произносить предударное [а] среднего подъема, прикрытое [а] может быть и у носителей акающих диалектов. И только кодифицированная литературная норма требует в первом предударном слоге произносить очень открытое [а], то есть литературное аканье не есть простое проявление фонетического закона, а есть выбор из многих акающих возможностей русского языка.

Но я полагаю, что нет выбора в настоящее время и в произношении *мою* [с'], *мой* [с' а], хотя здесь нет и проявления фонетического закона.

Мы привыкли считать оглушение шумных звонких перед глухими и на конце слова перед паузой – фонетическим законом. Такое же положение и с озвончением шумных глухих перед звонкими. Но ведь нет же озвончения шумных глухих перед шумными звонкими [в], [в'], хотя их происхождение из сонантов относится к древнейшей эпохе, во всяком случае – до падения редуцированных.

Вряд ли соответствует фонетическому закону утвердившееся у многих носителей русского литературного языка произношение [сълага] – [салох], [пирага] – [пирох] и под.; или произношение *сельхо* [сб]анк, произношение [меж]- и [меш] – во многих словах (см. с. 238, 239 словаря). Пожалуй, здесь нельзя не отметить, что теоретической проблемой фонетических законов больше занимаются специалисты по сравнительно-

историческому языкознанию XX века, по истории праславянского и древних славянских языков, чем лингвисты, изучающие русский язык нового времени. Есть немало теоретических проблем, которые не привлекали внимания исследователей современного русского языка, интерес к ряду проблем оборвался с переходом к новому историческому времени, иногда исследователи слишком захвачены новыми проблемами, исследование которых возможно именно на материале новых языков и т.п.

Возвращаясь к вопросу о соотношении фонетики и орфоэпии, хотела бы подчеркнуть, что это общая область знаний, имеющая дело с фонетическими законами (их надо еще изучать), асинхронностью фонетических законов и фонетических моделей словоформ, что и создает лингвистическую базу произносительных вариантов и проблему их выбора, вопросы фонетики и тому подобное.

4. Не всегда понятны аргументы авторов, по которым одни устаревшие нормы они оставляют, предоставляя здесь слово, очевидно, стилистам, например: *вска* [къ]вать, *креп* [къ]й и нек. др., о других же даже не упоминают, например: [шы^эгат'], *два* [шы^эга], [в'ер'х], хотя эти произносительные варианты используются не только в художественной речи. В речи многих предшественников старшего поколения москвичей только эти нормы и используются. Очевидно, еще рано с ними расставаться.

Закончить рецензию хочу словами благодарности авторам. Словарь – очень нужное пособие для всех, кто интересуется русским языком. Словарь заставляет думать и задумываться.

К.В. Горшкова

Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen/Hrsgb. von H. Jachnow. Harrassowitz Verlag, Wiesbaden, 1999. 1336 S.

Ученые труды очень давно стали делом многоликого сообщества (Respublica litteraria), не знающего государственных или национальных границ. Приятно отметить, тем не менее, что формы научного труда сохраняют определенные национальные традиции, поддерживая то разнообразие, которое обеспечивает диалогичность научного знания. В немецкой научной традиции к таким формам относится создание фундаментальных "настоющих книг" по самым разным отраслям знания, книг, настолько

прочно отождествляемых с немецкой наукой, что в ученой беседе, на каком бы языке она ни велась, они так и именуются "хандбухами". В прошедшем году наши немецкие коллеги порадовали научное сообщество очередным изданием обширного (почти полторы тысячи страниц) и фундаментального компендиума, посвященного русистике. [Такие издания позволяют взглянуть на нашу дисциплину как бы со стороны, охватив одним взглядом ее целостное развитие и результирующее состояние.]